

ленность социального положения этой категории селян. Прилагаемая к ним в гродских актах титулатура пестра и непостоянна. Как видно, современники затруднялись, куда отнести конюхов — к крестьянам-барщинникам, солтысам или к шляхте. Из документов следует, что судьбы конюших семейств складывались по-разному. Автор особо выделяет тех удачливых конюхов, что в актах уже стали именоваться нобилями и, как положено последним, судиться в земском, а не в гродском суде.

С. С. Пашин заявил себя убежденным приверженцем локальных, конкретных изысканий. Броских, но поверхностных аналогий он избегает и вообще сторонится того, что им, вслед за Ю. В. Перовым, названо «универсальными философскими конструкциями исторического процесса». Даже в пределах своего региона, не слишком большой территории Перемышльской земли (площадь — примерно 15 тыс. кв. км) он концентрирует внимание на локальных особенностях — на отличии порядков в равнинных селах от сел прикарпатских, на своеобразии левобережья Сана по сравнению с Восточной Перемышльщиной.

Такая позиция вызывает уважение, да и результаты монографического исследования говорят сами за себя. Но, похоже, работа подошла к такому уровню осмысления материала, когда установленные для себя ученым рамки оказываются тесны. В известной мере это ощутимо уже сейчас, в частности, при освещении роли солтыств в системе перемышльского землевладения. Вопрос немаловажен, к нему автор обращается многократно, показывая, как

менялись функции солтыса и его статус, как шло вытеснение, так сказать, настоящих солтысов землевладельцами, практически завершившееся к концу XV в. Разделы эти выполнены исследователем со свойственными ему умением и основательностью. Но все же читателю не хватает развернутого сопоставления с Краковщиной и иными воеводствами Польши — тут было бы желательно привлечь монографии Л. Лысяка и других польских историков.

При продолжении работы над темой — оно, надеюсь, последует обязательно — необходимо будет шире прибегать к сравнительному анализу. Настоятельно рекомендовал бы обратиться при этом прежде всего к трудам А. Бычаньского, чьи капитальные исследования охватывают чуть ли не все стороны жизни польской шляхты XVI в.

Однако это — дело будущего. Возвращусь к тому, что уже сделано С. С. Пашиным, хочу еще раз повторить, им представлено научно значимое исследование. Мои критические замечания в его адрес носят частный характер. Они никак не умаляют бесспорных достоинств рецензируемого труда. Его автор, выступая во всеоружии современной методологии, внес весомый вклад в разработку важной научной проблемы. Выводы монографии отличает новизна и аргументированность. Нельзя не отметить и то, что многолетние разыскания С. С. Пашина, подытоженные в монографии, уже получили заслуженную известность, прочно вошли в историографию проблемы.

В. А. Якубский

Некоторые замечания по поводу научных работ по историографии

В последние годы знакомство с рядом монографических исследований по историографии, разделами в книгах по этой проблематике, а также с некоторыми диссертациями и дипломными работами заставило обратить

внимание на определенные недостатки и погрешности таких работ.

Прежде всего, следует отметить, что работы по историографии следует отнести к одному из сложнейших сюжетов исторических исследований,

отличающихся от работ по обычной исторической проблематике (независимо от их тематики).

Перед историографом стоит задача, с одной стороны, выяснить, проанализировать, что сделано, достигнуто, на базе каких материалов проведено исследование, выявить теоретические представления изучаемых авторов, уточнить их методологические позиции. И на этой основе определить место данного автора в общем развитии исторической науки. В большинстве случаев необходимо дополнить свои рассуждения собственным позитивным материалом для создания объективной картины действительности. При этом вполне возможно выявить не только недостатки, но и фактические неточности изучаемых работ. В результате может возникнуть более точная, адекватная действительности картина происходившего. Это и будет в определяющей степени решением поставленной задачи.

Немаловажное значение при этом следует отнести к решению вопроса, что решено верно, что нуждается в уточнении и что следует отбросить, как явно неверное и неточное. А с этим связано формулирование и постановка задач для дальнейшего изучения.

При изучении литературы первоначально следует обратить внимание на работы общего плана, имеющие отношение к данной тематике, затем изучить и проанализировать работы, относящиеся к данному региону или периоду, наконец, исследования непосредственно по данной теме.

Другая сторона в современных условиях, может быть, более сложная. При анализе значительной части прошлого XX в. большинство российских историков исходило из двух основных теоретических предпосылок. Одна – работы создавались на основе марксистско-ленинских теоретических представлений. Это, как сейчас принято, доказано и подчеркивается, приводило к целому ряду искажений и неточностей, ко многим умолчаниям и недоговоренностям. Другая – базой

изучения являлась формационная теория. В последние десятилетия все активнее звучит требование перейти к цивилизационному подходу, хотя инструментарий его разработан далеко не полно.

Но это вызывает известную раздвоенность, двойкость. Работы обычно продолжают анализироваться на основе теоретических постулатов, принятых когда-то, – идей марксизма-ленинизма, формационного подхода, т.е. тех представлений, которые имелись у авторов того времени.

Перед историографом встает неизбежная задача – проанализировать эти старые подходы, выяснить их позитивные и негативные черты, и, наряду с этим, определить, насколько они соответствуют новым теоретическим представлениям, выдвинутым в современных условиях.

Задача историографа, далее, не только определить, как решались те или иные проблемы, но и объяснить, почему некоторые из вопросов в тех или иных условиях, в тот или иной период, в конкретной обстановке не стали предметом изучения (это могут быть теоретические и политические мотивы, неправильно понятая актуальность, отсутствие в тот момент источников и многое другое, довольно часто и чисто субъективные мотивы). К сожалению, на эту сторону обращается значительно меньше внимания.

Важной задачей является проблема определения с самого начала содержания понятий, которые используются в процессе анализа.

Историографические сюжеты необходимы в любой работе. Это, кажется, признают все, занимающиеся историей, но на деле они сводятся к простому перечислению имеющейся литературы. Примерно в таком плане: тогда-то такой-то историк занимался этой проблемой. Часто «анализ» этим и ограничивается, что, конечно, недопустимо и может быть названо историографическим обзором только в кавычках.

Автор данного выступления не ставил задачи подробно остановиться на всех вопросах. На этом, первоначаль-

чальном, этапе важно было, по крайней мере для меня, обратить внимание на некоторые наиболее типичные сложности и недостатки.

Автор осознает, что некоторые положения являются спорными. Хо-

телось бы, чтобы этот материал стал началом дискуссии заинтересованных историков. Любому отклику буду рад.

В. А. Данилов

Между историографией и псевдоисториографией

Среди разговоров о кризисе жанра историографии в российской исторической науке как-то не обращается внимание на тот невиданный бум историографических работ, который наблюдается в России в последнее время. Диссертационные советы, конечно, где есть специальность 07.00.09, завалены на 2/3 диссертациями по историографии; в ВАКе, судя по «Летописи авторефератов диссертаций», та же картина. Стало считаться, что написать работу по историографии много проще. Несостоявшийся специалист по «всеобщей истории», от которого требуется основательное знание зарубежной литературы и источников, равно как и неутвердившийся специалист по «отечественной истории», от которого ожидается работа с многочисленными периферийными и центральными архивами, с легкостью превращаются в историографов. Новая, постсоветская, «сменовеховская» эйфория сделала легким делом критику достижений прежней российской исторической науки, позволяющим быстро «перерастать» в кандидатов и докторов наук.

Между тем здесь нельзя не согласиться с профессором В. А. Даниловым: историографическое исследование принадлежит к числу наиболее сложных, кратно превосходящих по трудоемкости и затратности интеллектуальных усилий чисто историческое исследование. Для формирования историографического видения требуется целая жизнь, причем жизнь на пределе активности, максимальной включенности в европейскую и мировую академическую среду. Судьбы выдающихся историков позволяют говорить об определенной логике обращения к историографическим сюжетам:

первую часть жизни историк занимается конкретными историческими штудиями, шлифуя до совершенства свою исследовательскую технику, затем он обращается к вопросам истории культуры, требующим более высокого уровня обобщения и знания мировой историко-культурологической традиции, и лишь после этого переходит к историографии, становящейся как бы итогом жизни ученого в науке.

Подлинное историографическое исследование не может не учитывать опыта зарубежной историографии; даже в самом периферийном сюжете, посвященном, к примеру, отзвуку революции в Ямальской тундре, будет признаком непрофессиональности игнорирование американской, канадской, скандинавской, исландской историографий, касающихся судеб приполярных аборигенов в условиях социальных трансформаций XX в.

Равно как действительное историографическое изыскание не может ограничиваться обзором только опубликованных работ; оно, непременно, должно опираться на архивный материал. Узкое понимание историографического источника, историографического факта только как опубликованного сегодня несостоятельно; историографическим фактом является любое научное слово, озвученное в академических дискуссиях, конференционных дебатах, изложенное в переписке между учеными или произнесенное в диалоге учителя и ученика; поэтому от историографа требуется знание не только опубликованных книг, статей, рецензий, но и протоколов научных заседаний, эпистолярного наследия, мемуаров и личных архивных фондов ученых; важным оказывается и обра-